

Исполнилось 70 лет Олегу Кочеткову — талантливому и тонкому лирику, дарование которого ценили такие признанные художники, как Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Владимир Костров, Николай Старшинов. Олег всегда был в числе наших друзей и соратников, стоял плечо к плечу вместе с нами в самые тяжелые годы. После долгого перерыва он снова вернулся к поэзии, несколько его подборок “Наш современник” публиковал в последние годы.

Ныне к юбилею нашего друга мы печатаем его избранные стихотворения разных лет.

* * *

Николаю Бурляеву

Мои братья и сёстры стоят у станка,
Мои братья и сёстры хлеба убирают,
А другие — всё вещи да деньги считают.
Как у бедных у них не отсохнет рука!
Они судят про нас, что мы сброд и толпа,
Что нам не дал Господь ни ума, ни таланта.
Не коснулся перстами Он нашего лба.
Вот — известный пример одного варианта:
Что-де Пушкин-то наш — африканская кровь,
Ну, а Лермонтов — это потомок шотландский.
И у Блока-то, видишь ли, корень германский.
И так далее... Слушай и не прекословь!
Что ж, смеяться легко над чужою землёй.

Что же могут ещё “голоса” эти ваши?
Только нету, наверно, призвания краше,
Чтобы судьбы земли вековечной виной
На российскую душу с надеждой легли,
На неё на одну лишь с мольбой упоая!
Ну, а что в мировой мы культуре смогли,
То другая побаска и песня другая!

1985

* * *

Что-то было в душе сыровато...
Взяли пива по кружке на брата.
На пальто себе пену роняя,
Мы пристроились возле сарая
На щелястой пустой бочкотаре —
Не в каком-то прокуренном баре!
Помолчав о родимых ухабах,
Помолчали о бедных арабах:
Как им жарко в своей Палестине!
Хорошо, что живём на равнине!
(Сразу наши глаза повлажнели...).
После молча и тех пожалели,
У кого столько родин по свету,
Но одной до сих пор так и нету.
И подумалось: сколько же значит,
Когда есть она. Есть — и оплачет!

1987

ВАСИЛЬКИ

“Отпустите меня, васильки,
Мне шагать ещё очень далёко!
Пока так облака высоки,
Пока солнце над полем высоко!

Что я вам? В вас небесная весть
Воплотилась так искренне, нежно...
Тороплюсь, благодарен за честь!” —
И пылю по дороге поспешно.

Оглянуться, и то уж боюсь.
Словно сам за себя не ручаюсь!
А в душе благодарность и грусть,
И от лёгкого ветра качаюсь...

1987

НЕСБЫТОЧНОЕ

Как славно быть посохом странника,
Бредущего Русью Святой.
Кивать ярким шапкам татарника,
Вдыхая чабрец, зверобой.
Купаться в пыли розовеющей,
В песчаных речушках, ручьях.
И чуют простор этот реюший
На всех перепутьях-путях.
И слушать забытое слово,

Родное звучанье его,
И, кроме пути ветрового,
Совсем не иметь ничего!
Лежать под ночными светилами,
От сенного духа пьянеть.
И всеми ольховыми жилами
От воли бескрайней шалеть!
Под праведной, тёплой ладонью
Омыться дождём и росой,
И кроткою, тихой любовью,
И благостной, светлой слезой...
1993

В БРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Крикнешь — а кто отзовется?
Ветер, цветы, облака?
Лишь из глухого колодца
Память твоя улыбнётся,
Призрачна и далека.
Тёплая пыль под ногами,
Ласточки над головой.
Длится и длится веками
Над золотыми полями
Звонкий их росчерк живой.
Что им до наших прозрений,
До биотоков в мозгу?
Весь человеческий гений,
Может, не стоит мгновений
Жизни в их смертном кругу.
1994

ЗА ПЛЕТНЁМ

За плетнём подымается солнце,
Молодой начинается день.
У избы за душой — ни червонца
На десяток вокруг деревень!

За плетнём — новорусских господство:
Сделки, офисы, банки, счета.
А в избе — запустенье, сиротство,
И ни пряника, ни кнута!

За плетнём — деловые разборки,
Всюду дилер и киллер сплошной.
А в избе — почерстевшие корки
Набухают гражданской войной.
1998

МОЛЧАНЬЕ

Горечью веет от стога сырого,
Ну, а внутри его сухо, тепло.
Господи Правый, промолви хоть слово,
Что ж так молчанье Твоё тяжело?
Есть ли Ты там, за мерцающей высью,

Или Ты вечный сознания фантом?
Не охватить ни душою, ни мыслью...
Вот он я весь, пред Тобою — крестом!
Хоть погрози мне оттуда перстом!
Зов повисает мой в небе пустом,
Где только звёздное вьётся сиянье,
Светом свежайшим лицо мне кропя...

Да, доходить до такого молчания —
Смертный не может. Я верю в Тебя!
2000

КРЕСТ

Звёзды стынут и колко дрожат,
Источая жасминовый дух.
А в тебя провалился мой взгляд,
Моя речь, осязанье и слух!
Покачнувшись на нитке льняной,
Виновато сверкнув при луне,
Нависает мой крест над тобой,
И мурашки бегут по спине!
Где там запад? И где там восток?
Дикий север? Полуденный юг?
Мы сейчас — поднебесный исток,
Всеземной, замыкающий круг!
Полыхает жасминовый куст
Ароматом тяжёлым своим...
Мы с тобою — в бескрайности чувств,
Где всё грешное стало святым!
У подножья своих мы Голгоф,
Вдалеке от родительских мест...
В темь ложбинки, меж зрелых холмов
Провалившись, ложится мой крест!
2010

ОБРАЗ ПРОЩЕНИЯ

Тьма приближается к свету,
Похожему больше на тьму.
Случилось, и — быть по сему!
И нету прощения, нету...
У дали у близкой и дальней —
Осколки угрюмых камней.
И нету печали родней,
И нету родного печальней.
Репейник да сонной крапивы
Сырой, молчаливый огонь.
Постой и подуь на ладонь,
И знай: ты дотоле счастливый,
Доколе цепляешься взором
За этот пустырь болевой,
Мучительно явлен в котором
Прощения образ живой.